

ГОРОДСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80

«КАК ГОРОД НАЗОВЁШЬ...»: ОТ СМЕНЫ ИМЕНИ К ИЗМЕНЕНИЮ ГОРОДСКОГО ЛАНДШАФТА (НА МАТЕРИАЛЕ Г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

Калуцков В. Н.

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Исследовать закономерности изменения городских ландшафтов в связи с переименованием города.

Процедуры и методы. На основе геоконцептуального подхода и подходов критической топонимики исследуется опыт переименования городов в мире. Выявлены основные проблемные моменты. Использовался метод системного анализа, а также историко-географический и топонимический методы.

Результаты. Переименование рассматривается как культурно-географический процесс, характерный для нашего времени и охватывающий почти все страны и регионы. Новое название места, или геоконцепт, нужно рассматривать в качестве ландшафтно-ономастической инновации. Геоконцепт в качестве инновационного имени места обладает коннотативными значениями, отражающими новую идею и раскрывающими новый ассоциативный образ места. Со временем по мере его освоения местным сообществом геоконцепт становится топонимом, выступая в качестве основы для формирования новой территориальной идентичности. Применительно к переименованию городов предлагается авторская модель ландшафтно-ономастического цикла, описывающая движение ономастической инновации от её начала до завершения. Цикл включает в себя 4 фазы: зарождение, оформление, становление и зрелость. Модель апробирована на материале г. Санкт-Петербурга. Применительно к этому городу – городу трёх переименований – отметим, что, в отличие от петроградского, первый петербургский и ленинградский ландшафтно-ономастические циклы оказались полными: они сумели сформировать устойчивые идентичности (петербургскую и ленинградскую), которые хорошо читаются в культурном ландшафте города.

Теоретическая и/или практическая значимость. Разработана концептуальная модель городского ландшафтно-ономастического цикла, которая может использоваться для исслед-

© СС ВУ Калуцков В. Н., 2023.

дований процесса переименований не только городов, но и стран, а также при изучении внутригородских и региональных переименований. Результаты исследования представляют интерес для специалистов по культурной и социальной географии, преподавателей, студентов высшей школы, для всех, интересующихся проблематикой переименований географических объектов.

Ключевые слова: культурная география, культурный ландшафт, геоконцепт, концептуализация географического пространства, ландшафтно-ономастический цикл

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

“WHAT WILL YOU CALL A CITY...”: FROM CHANGING THE NAME TO CHANGING THE URBAN LANDSCAPE (BASED ON THE MATERIAL OF ST. PETERSBURG)

V. Kalutskov

*Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. We investigate the patterns of changes in urban landscapes in connection with the renaming of the city.

Methodology. On the basis of the geoconceptual approach and approaches of critical toponymy, the experience of renaming cities in the world is investigated. The main problematic points are identified. Use is made of the method of system analysis, as well as historical-geographical and toponymic methods.

Results. Renaming is considered as a cultural and geographical process characteristic of our time and covering almost all countries and regions. A new place name, or geoconcept, should be considered as a landscape-onomastic innovation. A geoconcept as an innovative place name has connotative meanings reflecting a new idea and revealing a new associative image of a place. Over time, as it is mastered by the local community, the geoconcept becomes a toponym, acting as a basis for the formation of a new territorial identity. In relation to the renaming of cities, we propose a model of the landscape-onomastic cycle, describing the movement of onomastic innovation from its beginning to completion. The cycle includes four phases: origin, design, formation and maturity. The model has been tested on the material of St. Petersburg. With regard to this city, the city of three renaming, we note that, unlike Petrograd, the first Petersburg and Leningrad landscape-onomastic cycles turned out to be complete: they managed to form stable identities (Petersburg and Leningrad) and are well read in the cultural landscape of the city.

Research implication. A conceptual model of the urban landscape-onomastic cycle is developed; it can be used to study the process of renaming not only cities, but also countries, as well as in the study of intra-city and regional renaming. The results of the study are of interest to specialists in cultural and social geography, teachers, students of higher education, and anyone interested in the problems of renaming geographical objects.

Keywords: cultural geography, cultural landscape, geoconcept, conceptualization of geographical space, landscape-onomastic cycle

Acknowledgements. The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow State University "Preservation of the World cultural and Historical heritage".

Введение

В течение последнего столетия возникла принципиально новая, до конца плохо от-refлексированная ситуация в области географической ономастики, когда не стабильный топоним, а меняющееся географическое название места стало массовым культурным феноменом; феноменом, который охватил большую часть современного мира – Россию, постсоветское пространство, Центральную и Восточную Европу, все страны, испытавшие колониальный гнёт в Африке, Азии и Латинской Америке, южные штаты США... В XX в. процессы переименований происходили под воздействием мощных «транснациональных идеологий» нашего времени – социализма и демократии. В наши дни национальная идея представляет собой важный рычаг преобразования культурно-географического пространства.

Поскольку эти процессы всегда имеют общественный резонанс, их отслеживают не только исследователи, но и литераторы, в частности, С. Довлатов в книге «Соло на ундервуде» приводит пример реакции интеллигенции на массовые переименования в СССР: «Это было лет 20 назад. В Ленинграде состоялась знаменитая передача. В ней участвовали – Панченко, Лихачев, Солоухин и другие. Говорили про охрану русской старины. Солоухин высказался так:

– Был город Пермь, стал – Молотов. Был город Вятка – стал Киров. Был го-

род Тверь, стал Калинин... Да что же это такое?! Ведь даже татаро-монголы русских городов не переименовывали!»¹.

Один из самых ярких случаев непрерывной цепочки переименований в Центральной Европе – изменение названия центральной улицы в хорватском г. Вуковар. В прошлом столетии она носила 5 (!) названий, каждый раз меняя своё имя в соответствии с новыми культурно-политическими реалиями [7, с. 511]. В начале XX в. она называлась улицей императора Австро-Венгрии Франца-Иосифа, после распада империи ей дали имя в честь югославских королей Петра и Александра. Смена власти привела к переименованию в улицу Павелича (по имени лидера хорватских усташей). Социалистическая Югославия заменила название на улицу Тито, президента страны. Несмотря на хорватские корни Тито, и этот топоним не устоял: в постсоциалистической Хорватии улицу снова переименовали в честь первого президента Хорватии Туджмана. Однако даже в этой ономастической чехарде, как оказалось, можно обнаружить важную культурно-географическую закономерность: главная улица города всегда называлась в честь первого лица государства [7].

Другой хорошо известный пример – переименование столицы Казахстана. За последние 60 лет город сменил 5 названий: Акмолинск – Целиноград –

¹ Довлатов С. Соло на ундервуде; Соло на IBM. СПб: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. С. 75.

Акмола – Астана – Нур-Султан – Астана. Интересно, что каждое новое имя города характеризует новое состояние городского ландшафта. Название Акмолинск связано с дореволюционным состоянием ландшафта, а Целиноград характеризует важный советский слой городского ландшафта, напоминающий о проекте освоения целины. Акмола представляет собой восстановленное казахское название, свидетельствующее о начале построения в стране новой – казахстанской – модели мира. А 2 последних названия характеризуют новое, столичное, состояние города и его ландшафта.

Геоконцептуальный подход к переименованию мест

Под концептуализацией геокультурного пространства понимается системная культурная инновация, нацеленная на создание новой географической картины мира [3]. Она представляет собой не процесс естественного (исторического) освоения и номинации, а процесс сознательного конструирования нового культурно-географического пространства [4].

Массовое «стирание» топонимов одного языка и их замена топонимами другого языка представляет собой языковой тип концептуализации пространства. Некоторые исследователи называют такую технологию массовых переименований в рамках новой национальной идеологии механизмом «топонимической чистки», когда «переименование ландшафта» направлено на прикрепление национального языка к национальной территории путём исключения «иностранных» топонимов [6].

В наше время на всём постсоциалистическом пространстве наряду с «то-

понимической чисткой» системность переименований опирается на господствующую государственную идеологию, которая задаёт новый пантеон героев, включающий имена религиозных, исторических деятелей, жертв новых революций, имена руководителей новых стран, а также другие идеологически приемлемые нормы (вспомним имевший важное значение для советской идеологии и, соответственно, для топонимии красный цвет). Данный тип концептуализации пространства можно назвать культурно-языковым. В этом случае осуществляется системное изменение геокультурного пространства и более глубокое воздействие инноваций на общество.

Важной характеристикой переименований в современных странах является их массовый пространственный характер, что приводит к качественным изменениям городских ландшафтов, преобразованию культурного пространства целых стран и, как следствие, к сдвигам в идентичности их жителей.

Новое имя места (города, региона, страны) привносит новые идеи и новые образы с их последующей социализацией. К примеру, Царицын – Сталинград – Волгоград представляют собой не просто имена одного города. Это разные национальные идеи, разные страницы городской и отечественной истории (великое сражение на Волге не может быть волгоградским: это *Сталинградская битва!*), это разные состояния городского ландшафта, разные городские идентичности...

В начале нового состояния места стоит геоконцепт, или новое имя места. Концептуальное переименование можно рассматривать как начало куль-

турной инновации, которое «подтягивает» дальнейшие изменения места – его истории, его образов, его сообщества; в результате возможна трансформация всего культурного ландшафта.

По мнению В. П. Сомова принципиальное отличие топонима от геоконцепта заключается в том, что «... подавляющее число топонимов, функционирующих в языке, лишено коннотативных значений. Они являются лишь названиями географического места и не служат словесными метками его образа»¹. По сути, о геоконцептах метафорически пишет де Серто: «*Площадь Звезды, площадь Согласия, улица Пуассоньер...* эти созвездия организуют уличное движение: звёзды, управляющие маршрутами. «Площади Согласия не существует, – говорит Малапарте, – это – идея». Это гораздо больше, чем “идея”. Потребовалось бы множество сравнений, чтобы объяснить магическую власть, которой обладают имена собственные» [5, с. 203].

Если в топониме важно его семантическое значение, то геоконцепт раскрывает новую идею места. Геоконцепт можно рассматривать в качестве идеологического топонима, т. е. имени места, нередко не связанного с местной культурной традицией.

Поэтому геоконцепты с их идеологическими и культурными смыслами и образами являются объектами изучения культурной географии, а топонимы с их семантическими значениями – этнолингвистики и топонимики. Тем самым под геоконцептом понимается *инновационное имя места*, которое об-

ладает коннотативными значениями, отражающими новую идею и раскрывающими новый ассоциативный образ места [4].

Представление о ландшафтно-ономастическом цикле – от новой идеи места к полноценному топониму

Представление переименования места как о цикличном процессе опирается на исследования жизни имени места – от зарождения имени до его зрелости и «старости» (рис. 1).

Полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных составляющих: зарождение, оформление, становление и зрелость.

Фаза зарождения. На этой фазе в результате государственной или общественной инициативы появляется идея нового названия места. Мотивации могут быть разные – от идеологического неприятия старого названия до желания местного сообщества увековечить память о знаменитом земляке (и тем самым повысить статус своего места). Ситуацию переименования особо значимого места, например, столицы страны или крупного духовного центра, можно рассматривать в контексте процессов десакрализации / сакрализации пространства, т. е. как «перекрепление» места.

На этом шаге осуществляется поиск, рассмотрение вариантов (в рамках новой идеологии) и обоснование нового имени. Могут проводиться общественные слушания. Нередко возникают конфликтные ситуации между сторонниками и противниками нового имени места, особенно когда старое имя укоренено в общественном сознании. В критических ситуациях решение при-

¹ Сомов В. П. Поэтическая география: Историческая, мифологическая, библейская и литературно-сказочная. Культурологический словарь. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2015. С. 11–12.

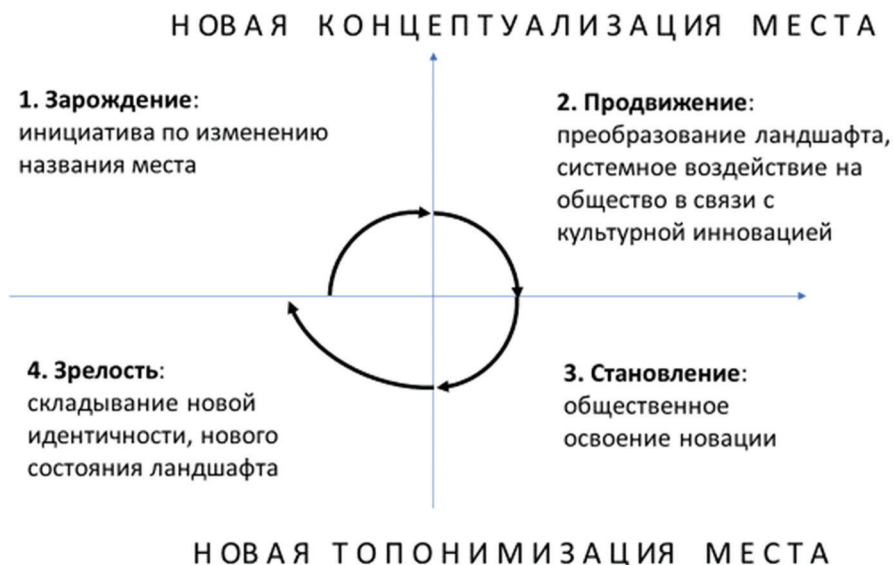

Рис. 1 / Fig. 1. Ландшафтно-ономастический цикл и его основные фазы / Landscape-toponymic cycle and its main phases

Источник: составлено автором

нимается быстро. Фаза заканчивается принятием политического решения о новом имени места – возникает новый геоконцепт.

Фаза продвижения. На этой фазе осуществляется продвижение нового геоконцепта в общество с помощью изменения городского ландшафта (публичного пространства) и создания новых образов места. Можно выделить 3 уровня преобразования городского ландшафта: внешний, глубинный и коренной.

Внешние изменения общественного пространства – это смена вывесок без глубинного преобразования ландшафта города. Они проявляются в смене адресов, новых официальных вывесок правительственных и городских учреждений, в появлении рекламы и лозунгов с новым названием. В наше время в этом процессе активно участвуют государственные СМИ, ин-

тернет. «Пробуется на вкус» новое название и города, и его жителей. В поле печатной продукции появляются новые туристические буклеты, книги об истории города, географические карты с его новым именем.

Глубинные изменения ландшафта предполагают не только смену имени города, но и массовые идеологически мотивированные переименования городских улиц и площадей, снос старых и возведение новых идеологически мотивированных монументов, памятников, музеев. Примеры подобных глубинных преобразований культурных ландшафтов, которые обычно сопровождаются «переписыванием» национальной (а заодно и городской) истории, ныне встречаются повсеместно.

Коренные изменения городского ландшафта происходят в результате комплексных воздействий, когда ономастические инновации идут рука об

руку с новыми архитектурными решениями, с выработкой нового архитектурного стиля, созданием новых общественных пространств. Напомню, что в СССР в 1920–1930-х гг. архитекторы, по сути, выступали социальными проектировщиками, творцами нового общественного человека.

Однако смены общественного пространства, городского ландшафта и пропагандистских усилий новой идеологии недостаточно для продвижения инновации: нужны новые яркие образы места, связанные с новым именем. Поэтому с некоторым временным лагом (творческие люди тоже должны привыкнуть к новому!) к процессу воздействия на общество подключается «тяжёлая артиллерия» – искусство, кинематограф, литература, живопись, включая городские граффити. Только искусство может создать и закрепить в обществе новые сильные образы, связанные с новым именем города. Власть, как правило, это хорошо понимает (вспомним известное высказывание В. И. Ленина: «...из всех искусств для нас важнейшим является кино...»).

Вместе с лингвистами и архитекторами литераторы, художники и режиссёры творят новые образы не только города в целом, но и отдельных пространств города, интерпретируют образы исторических мест. Например, образ Зимнего дворца благодаря гению Эйзенштейна для многих поколений будет связан не столько с Эрмитажем, сколько с Великой Октябрьской революцией – началом нового этапа истории России и мира.

Фаза становления. На этой фазе можно отследить реакцию общества на инновацию. Очень важным является готовность общества к восприятию

изменения. В ситуации готовности общества социально-психологическое привыкание к новому имени происходит быстрее: оно легче закрепляется в текущей общественной жизни. Но возможны и протестные настроения, неприятие нового геоконцепта. Петербургский писатель К. К. Вагинов в романе «Козлиная песнь» отражает отношение части жителей города в 1920-е гг. к его переименованию в Ленинград: «Теперь нет Петербурга. Есть Ленинград, но Ленинград нас не касается...»¹.

На фазе становления внешнее публичное пространство осваивается обществом, и прежде чуждый для общества геоконцепт становится «своим» топонимом – начинает формироваться новая идентичность.

Фаза зрелости. Переход в фазу зрелости может происходить постепенно, но может быть и ускорен в результате исторически значимого события, общественного потрясения, связанного уже с новым именем. Подобные события выступают в качестве триггера нового состояния общества. Важными индикаторами этого состояния являются продукты культурно-языкового общественного творчества, связанные с обыгрыванием нового топонима и нового имени горожан – краткие топонимические формы (пример, Калининград – Кёниг), анекдоты, новые устные истории, граффити, публичная реклама. Все эти культурно-языковые маркеры свидетельствуют о формировании новой идентичности и связанного с ней нового состояния городского ландшафта.

¹ Вагинов К. К. Козлиная песнь: Романы. М.: Современник, 1991. С. 13.

Однако к концу фазы общество может «устать» от уже привычного имени. К примеру, сообщество ленинградцев в конце 1980-х гг. было уже внутренне подготовлено к переименованию и запуску нового ландшафтно-ономастического цикла, связанного с возвращением исторического имени.

Таким образом, полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных фазы: зарождение, оформление, становление и общественную зрелость. Но цикл может оказаться и незавершённым, если до его окончания возникнет новая культурная инновация, как это произошло с Петроградом или казахстанской Астаной.

Анализ случая: ландшафтно-ономастические циклы города трёх переименований

Санкт-Петербург как будто специально придуман в качестве яркого и всем известного примера для иллюстрации темы переименований. Действительно, с одной стороны, го-

род очень хорошо обеспечен исследовательским материалом, а с другой, – его трижды переименовывали. В итоге городской ландшафт испытал 2 полных цикла переименований и 1 – неполный; ныне развёртывается новый ландшафтно-ономастический цикл: на наших глазах формируется новая петербургская идентичность, новый петербургский свёрхтекст и новое состояние городского ландшафта (рис. 2).

Что общего в ситуации первых двух переименований города – из Петербурга в Петроград и из Петрограда в Ленинград? В обоих случаях можно говорить о широкой поддержке инициатив по переименованию городским сообществом, с одной стороны, и их неприятие интеллигенцией, с другой.

Против нового имени – Петрограда – выступали многие представители творческой интеллигенции: известный юрист А. Кони, З. Гиппиус, искусствовед Н. Врангель; резко высказался К. Сомов: «Поражение наших войск,

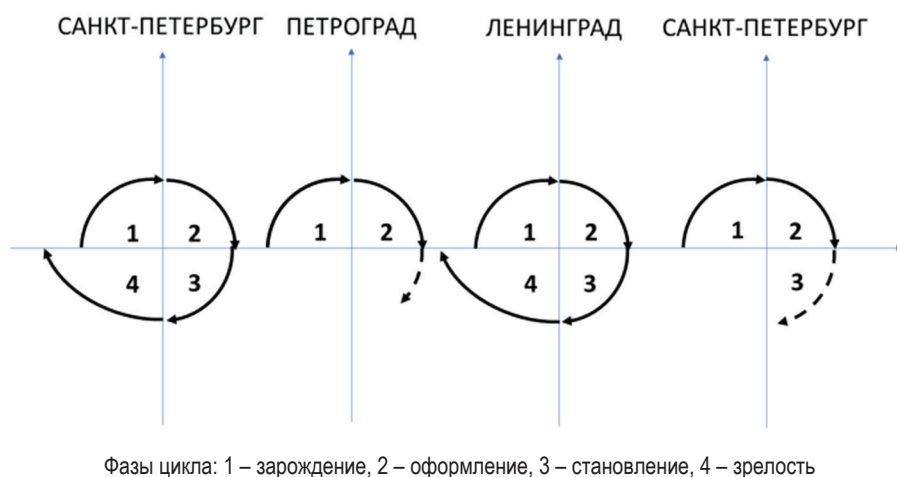

Рис. 2. Ландшафтно-ономастические циклы Санкт-Петербурга / Landscape and onomastic cycles of St. Petersburg

Источник: составлено автором

уничтожено два корпуса, убит Самсонов. Позорное переименование Петербурга в Петроград!». Эсхатологические знаки увидел в переименовании А. Бенуа: «Петербург или Петроград – это вовсе не шутки, а это вся история России, все её будущее, весь её исторический смысл. Свободная творческая воля или рабская покорность, движение вперёд, вширь, в мир или замкнутость китайской стеной, вселенность или местность, “столичность” или “провинциализм”»¹. Геоконцепт дореволюционного Петрограда в своём творчестве успел «поймать» К. Чуковский: его знаменитый Крокодил вышагивает уже по улицам Петрограда.

Последующие за пророчеством Бенуа революционные события показали, что геоконцепт Петрограда не столько отрицает прежние идеи города, сколько несёт на себе новые социальные идеи. Но Петроград оказался скоротечным культурно-географическим продуктом, геоэфмером. К тому же 10 лет – небольшой срок для формирования новой городской идентичности.

Но память об этом незавершённом ландшафтно-ономастическом цикле сохраняется не только в революционных текстах и лозунгах типа «Красный Петроград – колыбель пролетарской революции». После переименования Петербурга в Петроград в 1914 г. также были переименованы и старейший исторический рай-

он города Петербургская сторона, и Петербургский остров, расположенный на правом берегу Невы, а в 1917 г. был образован Петроградский административный район.

За последующее столетие все эти культурные новоделы (Петроградская сторона, Петроградский остров и Петроградский район) не только сохранились в советское время, но укоренились и стали неотъемлемой частью культурного ландшафта города. Для нашей темы важно, что эти осязаемыми ландшафтными свидетельствами представляют собой «родимые пятна» Петрограда.

Несмотря на отрицательное мнение самого Ленина, который предчувствовал возможность такого переименования, решение о переименовании в Ленинград было принято за несколько дней. В. И. Ленин умер 21 января 1924 г., а 26 января Петроградский совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов написал петицию о переименовании города «по просьбам скорбящих трудящихся», и уже через 3 дня М. И. Калинин, председатель ЦИК СССР, подписал соответствующее постановление, и город стал Ленинградом².

Новой власти нужна была новая – идеологическая – столица. С помощью геоконцепта «Ленинград» город остался не просто второй столицей, а стал городом-знаменем новой страны. Явственно ощущается идеологическая переключка с городом Петра:

¹ Лурье Л. Переименование Петербурга в 1914 году: роковая смена имени // Справочник. Санкт-Петербург: [сайт]. URL: <https://spb.spravker.ru/news/pereimenovanie-peterburga-v-1914-godu-rokovaya-smena-imeni.htm> (дата обращения 15.12.2022).

² Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

Петербург – реальная и идеологическая столица новой имперской России, а Ленинград – идеологическая столица новой советской России. Не случайно после смерти вождя революции, когда несколько городов стремились получить имя Ленина, новая власть быстро пресекла эти попытки. Имя Ленина должен носить, прежде всего, идеологический центр страны.

В год второго переименования случилась природная катастрофа – второе по масштабам наводнение в городской истории; некоторые современники увидели в этом эсхатологические мотивы. Д. Борисенко отмечает, что многие петербуржцы долгие годы продолжали игнорировать новое название. Так, Д. Шостакович шутил, что теперь живет в Санкт-Ленинбурге. В мемуарах Ф. Шаляпина приводится характерный анекдот о Д. Бедном: «Когда Петроград переименовали в Ленинград, т. е. когда именем Ленина окрестили творение Петра Великого, Демьян Бедный потребовал переименовать произведения великого русского поэта Пушкина в произведения Демьяна Бедного»¹.

В 1930-е гг. не проводилось массовых социологических опросов и трудно судить, как формировалась идентичность ленинградца в довоенные годы, но решающее влияние Великой Отечественной войны и связанной с ней Ленинградской блокады на её становление не подлежит сомнению. О. Берггольц так написала о блокаде:

*«Но то же, то же, что со мной,
со всеми сделала блокада.
И для тебя слились в одно
и я, и горе Ленинграда»².*

Нечеловеческие страдания жителей и стойкость их духа проявилась не только в воле к победе во время Ленинградской блокады, но и в творческих озарениях гениев национального искусства. Трудно недооценить их вклад в общее дело: «Ленинградская симфония» Д. Шостаковича, «Ленинградская поэма» О. Берггольц, многие другие ленинградские произведения искусства способствовали созданию новой и очень устойчивой идентичности – *ленинградской*. И ещё одно свидетельство поэтессы:

*«Но, не волнуясь, не боясь,
гляжу в глаза грядущим схваткам:
ведь ты со мной, страна моя,
и я недаром — ленинградка»³.*

Таким образом, в 1940-е гг. жители города окончательно стали ленинградцами. Об этом же свидетельствует один из известных уроженцев Северной Венеции поэт А. Городницкий: «Слово “Ленинград” было для меня третьим после “мама” и “папа”. Про дедушку Ленина я узнал значительно позднее и в сердце своём эти слова не связываю» [1].

В 1991 г. случилось новое переименование. Мнение городского сообщества и властей на этот раз разделились. В городе проходили многотысячные демонстрации сторонников и про-

¹ Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

² Берггольц О. Ф. Ленинградская поэма // РуСтих: [сайт]. URL: <https://rustih.ru/olga-berggolc-leningradskaya-poema/> (дата обращения: 15.12.2022).

³ Там же.

тивников переименования. Против выступали партийные власти, многие писатели, жители города. За ратовал новый мэр А. Собчак, заявивший, что хочет быть мэром Петербурга, а не Ленинграда. Переименование поддержала православная церковь. Из деятелей искусства «за» выступили Д. Гранин, А. Солженицын, И. Бродский¹. Бродский написал стихи:

*«Хочу, чтоб дали Бога ради,
Как в шапку брошенную медь,
Родившемуся в Ленинграде
В Санкт-Петербурге умереть!»*

В итоге 54% участников опроса высказались за возвращение городу имени Петра, и на этом основании Президиум Верховного Совета РСФСР издал указ о возвращении городу имени Санкт-Петербург².

В 2006 г., спустя 13 лет после переименования в городе был проведён опрос по проблеме городской идентичности. В нём участвовали 2400 жителей. В результате выяснилось, что большая часть опрошенных (36%) всё ещё считала себя ленинградцами, 32,4% – петербуржцами, а 21% – и теми, и другими [2].

Следовало ожидать, что в первую группу входили преимущественно представители старшего возраста, а во вторую – среднего и молодого; показательно, что среди возрастной группы 18–24 лет 71% идентифицировали

себя в качестве петербуржцев. Это значит, что молодые люди, не жившие в Ленинграде, сразу принимают и «новое» имя, и петербургскую идентичность, хотя пока и не очень содержательно насыщенную. Возможно, если бы опрос о переименовании города провели бы в 2006 г., а не в 1991 г., результаты могли бы быть другими...

Понятно, что в содержательном плане у старого нового геоконцепта «Петербург» среди петербуржцев (а это в основном молодые люди) не сформировалось нового культурного бэкграунда и нового петербургского сверхтекста. По данным опроса, носители «новой» петербургской идентичности считали, что новый Петербург должен стать носителем традиций старого; но каких традиций? Что взять из старого? Не выявилось и качественно нового бренда города: нельзя же считать таковым «Бандитский Петербург».

Ленинградский сверхтекст, который убедительно демонстрируют носители ленинградской идентичности, включает в себя такие компоненты, как Октябрьская революция 1917 г., связь города с памятью и именем Ленина, традиции петроградского пролетариата, блокаду Ленинграда [2]. Возможно, это одна из причин устойчивости ленинградской идентичности. Другая причина его устойчивости – созданные советской литературой и кинематографом мощные революционные и блокадные образы Ленинграда.

С другой стороны, хорошо осознаётся тенденция постепенного размывания ленинградской идентичности. При этом очевидно, что геоконцепт «Ленинград» сохраняется в историко-событийных ситуациях (Ленинград – город-герой), в географических на-

¹ Иванова Л. Имя города // Новое время. 2016. № 28.

² Борисенко Д. Питербурх, Петрополь и Чертоград. Почему сменялись названия города и откуда взялись его самые известные прозвища // Arzamas: [сайт]. URL: <https://arzamas.academy/materials/633> (дата обращения: 15.12.2022).

званиях, к примеру, Ленинградская (!) область, в других материальных и нематериальных проявлениях культурного ландшафта города.

Подводя итоги, отметим, что ленинградский ландшафтно-ономастический цикл, в отличие от петроградского, оказался полным: он успел сформировать устойчивую ленинградскую идентичность и хорошо читается в культурном ландшафте города.

Заключение

Итак, переименование географических объектов как широко распространённый современный пространственно-временной феномен представляет собой актуальную междисциплинарную проблему.

В рамках теоретических представлений о концептуализации географического пространства предлагается модель ландшафтно-ономастического цикла, описывающая движение культурной инновации от начала до её завершения. В теоретико-методологическом контексте модель демонстрирует соотношение 2 исследовательских объектов – геоконцепта, будущего топони́ма, существующего на первых двух фазах продвижения инновации, и топони́ма, оформляющегося совместно с но-

вой идентичностью во второй половине ландшафтно-ономастического цикла.

Полный ландшафтно-ономастический цикл включает в себя 4 основных составляющих: зарождение, оформление, становление и зрелость. Но цикл может оказаться и незавершённым, если до его окончания возникнет новая культурная инновация.

Ландшафтно-ономастический цикл представляет собой идеальную модель взаимодействия государства и общества по поводу переименования места. Реальные ситуации, как показало рассмотрение ландшафтно-ономастических циклов Санкт-Петербурга, сложнее и запутаннее. Но для понимания механизмов переименования без модели не обойтись.

Проявления прошлых ландшафтно-ономастических циклов устойчиво сохраняются в ландшафте города в его топонимической и образной системах, в материальных проявлениях, архитектуре, городской планировке, городской истории, городских праздниках. Городской культурный ландшафт является важным «свидетелем» и активным «участником» ономастических преобразований.

Статья поступила в редакцию 16.04.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Городницкий А. Ленинградец – это национальность // Курьер. 2002. № 32.
2. Дунаевская Д., Смирнов А. «Петербуржцы» и «ленинградцы» в культурном пространстве города // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью Петербурга. 2005. № 2. С. 26–29.
3. Калуцков В. Н. Концептуализация географического пространства: ономастические аспекты // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 57–69.
4. Калуцков В. Н. О концептуализации географического пространства России и Ближнего Зарубежья (по данным о переименованиях географических объектов) // Известия РАН. Серия географическая. 2021. № 6. С. 924–935.
5. Серто М. де. Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб: изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.

6. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies // *Progress in Human Geography*. 2010. Vol. 34. № 4. P. 453–470.
7. Šakaja L., Stanić S. Other(ing), self(portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text // *Cultural Geographies*. 2011. № 18. P. 495–516.

REFERENCES

1. Gorodnitsky A. [Leningrader is a nationality]. In: *Kur'er* [Courier], 2002, no. 32.
2. Dunaevskaya D., Smirnov A. ["Petersburgers" and "Leningraders" in the cultural space of the city]. In: *Teleskop: nablyudeniya za povsednevnoi zhizn'yu Peterburga* [Telescope: observations of the everyday life of St. Petersburg], 2005, no. 2, pp. 26–29.
3. Kalutskov V. N. [Conceptualization of geographical space: onomastic aspects]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of the Moscow University. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, no. 1, pp. 57–69.
4. Kalutskov V. N. [On the conceptualization of the geographical space of Russia and the Near Abroad (according to the data on the renaming of geographical objects)]. In: *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya RAN. Geographic series], 2021, no. 6, pp. 924–935.
5. Certeau M. de *L'invention du quotidien* (Rus. ed.: Kalugin D., Movnina N. *Izobreteniyе povsednevnosti*. St. Petersburg, Izd-vo Yevropeyskogo universiteta v St. Peterburge, 2013. 330 p.)
6. Rose-Redwood R., Alderman D., Azaryahu M. Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. In: *Progress in Human Geography*, 2010, vol. 34, no. 4, pp. 453–470.
7. Šakaja L., Stanić S. Other (ing), self (portraying), negotiating: the spatial codification of values in Zagreb's city-text. In: *Cultural Geographies*, 2011, no. 18, pp. 495–516.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калуцков Владимир Николаевич – доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir N. Kalutskov – Dr. Sci. (Geography), Prof., Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: v.kalutskov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Калуцков В. Н. «Как город назовёшь...»: от смены имени к изменению городского ландшафта (на материале г. Санкт-Петербурга) // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 68–80.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80

FOR CITATION

Kalutskov V. N. "What will you call a city...": from changing the name to changing the urban landscape (based on the material of St. Petersburg). In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 68–80.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-68-80